

АЛЕКСЕЙ ХВОСТЕНКО

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

АЛЕКСЕЙ ХВОСТЕНКО

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

СТИХИ И ПЕСНИ

Atheneum
Феникс
Санкт-Петербург
1999

ББК 84 Р7

**Алексей Хвостенко. Колесо времени:
Стихи и песни. СПб.: Феникс, 1999. 80 с.**

ISBN 5-901-027-21-3

На первой странице обложки портрет А.Хвостенко
работы С.Михайлова. Крым, 1968.

На четвертой странице обложки портрет А.Хвостенко
работы В.Загребы. Париж, 1991.

ББК 84 Р7
© «Феникс», 1999

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

СТИХИ И ПЕСНИ

СТЕПНЫЕ ПЕСНИ

1. Гнездо над радугой

Все успокоилось в природе
Гроза ушла обратно в небо
А небо село на Олимпе
И пело птичкой золотой

Как вить из нитей грома нежность
Как грубость грома выпить с медом
Чтоб небо село на Олимпе
И пело птичкой золотой

Лететь над облаком железным
Веселой тварью обладая
И лед Олимпа умножая
Пленяться птичкой золотой

И петь, чтоб лед не лился воском
В кристаллах множества Алтаев
И то, что мы зовем Олимпом
Нам пело б птичкой золотой

И посмотреть на это небо
От края радуги до края
Где эта птица золотая
Свила над радугой гнездо

2. Я не сплю

Лед поет, гром гремит
Улетит, замолчит
Прилетит, запоет
Замолчит – нет так нет

Замолчит – кровью пот
Пеной лучших пород
Этот пар – лучший дар
Что взыскует певец

Не грустит государь
Нет так нет – большой дар
И как водится встарь
Каждой твари – сто пар

Я не сплю – нет так нет
Колесницу крылом
Управляет мой сон
Прилетит – запоет

3. Золотая форель

Треск, грохот и стук
Лук, стрела и стада
Отдаленнейший звук
Приближает слюда

В малом море молчит
Золотая форель

Кто доскачет сюда
Будет цел, невредим

Кто поедет за ним
Не вернется назад
В кость одетый песок
Ночью солнцем палим

Этот край точно сад
Что мерещится мне
Ни вперед, ни назад
Ни внутри, ни вовне
13.09.98

4. Первая песня старца (эолийская)

Мое солнце огрубело
Мое тело почернело
Мое мело обмелело
Мое село улетело

Мое горе потускнело
Мое счастье побледнело
Мое грело обгорело
Мое пело надоело

Мои стрелы забывают
Мои копья пропадают
Мои силы выбывают
Мои ноши прибывают

Мои пашни зеленеют
Мои члены коченеют
Мои лены отпадают
Мои вены исчезают

Мои кости костенеют
Мои вопли леденеют
Мои травы обгорают
Мои слуги умирают

Мое солнце золотится
Мое небо серебрится
Мои дети вырастают
Мои внуки подрастают

То, что со мною было
Больше уже не будет

Снова ко мне вернется
То, что со мною было

5. Вторая песня старца (фригийская)

Сердце мое огрубело
Тело мое почернело
Мело мое обмелело
Село мое улетело

Горе мое потускнело
Счастье мое побледнело

Грело мое обгорело
Пело мое надоело

Стрелы мои забывают
Копья мои пропадают
Силы мои выбывают
Ноши мои прибывают

Пашни мои зеленеют
Члены мои коченеют
Лены мои отпадают
Вены мои исчезают

Кости мои костенеют
Вопли мои леденеют
Травы мои обгорают
Слуги мои умирают

Солнце мое золотится
Небо мое серебрится
Дети мои вырастают
Внуки мои подрастают

Больше уже не будет
То, что со мною было

То, что со мною было
Снова ко мне вернется
29.11.98

6. Третья песня старца
(дорийская)

Огрубело сердце мое
Почернело тело мое
Обмелело мело мое
Улетело село мое

Потускнело горе мое
Побледнело счастье мое
Обгорело грело мое
Надоело пело мое

Забывают стрелы мои
Пропадают копья мои
Выбывают силы мои
Прибывают ноши мои

Зеленеют пашни мои
Коченеют члены мои
Отпадают лены мои
Исчезают вены мои

Костенеют кости мои
Леденеют вопли мои
Обгорают травы мои
Умирают слуги мои

Золотится солнце мое
Серебрится небо мое

Вырастают дети мои
Подрастают внуки мои

Не будет того уж больше
Что прежде со мною было

Что было со мною прежде
Вернется ко мне сначала

1.12.98

7. Одиссей – Телемаху

Разрезав тушу, осуди клинок
За твердость изначальной воли
Чтоб он с убийцей был не одинок
На лобном месте из песка и соли

Чтобы трава, ломаясь на ветру
Из глиняного савана вопила
Осанну опустевшему нутру
Которое на смерть с собой водила

И ты с ней пой, озябший от тревог
Закутавшись в животного накидку
Чтоб солнцу твоему был дерзости урок
Как форму передать от слепка свитку

А дальше больше – прикажи закатить
Венчанную на царство пряжи пряжу
Лук потеряв, и щит свой потерять
Придется за пропавшую рубаху

Так рассудив, прочти себе мораль
И оттолкни ее, как ветошь пеплу
Ты будешь жить, покуда в жилах сталь
Покуда я с тобою не ослепну.

4 янв. 99

Paris

ПРОЩАЛЬНЫЙ МАРШ

До крайности прощанья
Текут секунды злости
Как будто от себя
К себе уходишь в гости
Под грохот барабана
Серебряная флейта
Выходит из себя
На градус Фаренгейта

По Цельсию Европы
Подруга Архимеду
Оговорив себя
К себе идет по следу
Того гляди – копыта
Сиятельного звука
Навьючат на себя
Квартет башибузука

И вот уже оркестр
Из меди выдув скуку
Помножит для себя
На грамоту разлуку
И вот опять оркестр
Опять трубя разлуку
Из грома для себя
Себе протянет руку.

5.02.97

New York

ТРИ ПОЭТА

Катулл

Саше Дрюгину

Люблю и ненавижу. Далеко
Стоит прохлада северного лета
Проплывшей тучи выпив молоко
Я пьян судьбою первого поэта

Люблю и ненавижу. В самый раз
Остаться здесь, развеяв пыль дороги
Смотрю на небо, день уже погас
И вечер ночи удлиняет ноги

Дождусь утра. Сквозь тонкое стекло
Мерещится легко и обозримо
Летящего пространства волокно
И слышен голос будущего Рима

Люблю и ненавижу. Этот звон
Из конуры мне цербер лает хлебный
Уж тьму столетий вижу тот же сон
И пью его настой целебный

Открою дверь и жажду утолю
Глоток с похмелья опрокинув света
Пою я, ненавижу и люблю
Терплю покой последнего поэта

июль, 97

Cold Springs, Pen.

Державин

Мне памятник поставлен мною снова,
я заново его воздвиг меж нас,
во тьме времен теряется основа,
как корни слова начиная с Аз,

Буки, Веди... Чтоб глаголов формы
поверженные прежде, устоять
могли бы снова посреди платформ,
назначенные мною здесь стоять.

Рабочий точки, запятой товарищ,
друг восклицательному и вопросу брат,
я – тот же он среди словес пожаращ,
гиперболой возвышенный стократ.

В наш пышный век печатных схем и чеков,
значительней, чем полупроводник,
он нам вернет атлантов и ацтеков,
чтоб всяк из них к стопам моим приник.

И подивился б на кумир пиита,
что консулом уходит к облакам,
чтоб сам из первозданного корыта
создатель оды поклонился б нам.

Пушкин

Колесо времени
Колесо чувства
Колесо ума
и Колесо пространства

А я (пустое дело гневаться!)
Хотел и думал рассердиться
Но что-то сердце нынче ленится
И чувству в лад не хочет биться

Ищу будить его глаголами
Как новый стих будил Державина
Но брат осел за Сумароковым
Плетется рифмою ужаленный

Другое дело между строчками
Заставить глаз насторожиться
Чтобы обвальным многоточием
В силок цезуры провалиться

И я б на месте Кантемира
Стоял бы в стойле – конь стреноженный
Читатель мой, владыка мира
Веди меня тропой нехоженой

Пойду с тобой (куда прикажете?)
И за слепым пойду водителем
Из зерен нежити на пажити
Возьму Крылова в предводители

И паки Шаховскому кажется –
Огромный дом горит в Коломне
В Обдорске протопопом вяжется
Гранит, что спит в каменоломне

Вотще двенадцати коллегий
Фонвизин славит географию
И Баратынского элегии
Звучат как миру эпитафии

Языков пьян, Давыдов в лоскуты
И только трезвая Светлана
Над романтическими досками
Витает в облаке тумана

Зачем сверчок трещит за печкою
Чтоб вот уж три десятилетия
С веселой грамотой заплечною
Я б царства славил междометия?

Теперь, теперь люблю молчание
Истории не нашей грамоты
Самодержавное звучание
Оплачено всевышней грамотой

Любить ее или сердиться
На ископаемое множество
Чтоб сердце перестало биться
Любя любви своей ничтожество

Чтоб треск оружия беспечного
Летал сто лет за мною следом
Сержусь, конечно, но навечно ли
Мне быть Радищеву соседом?

сент., 98

Paris

РАЗГОВОР ДВУХ

Первый

Чудовищная поебень
Лежит и светится кругом
А день
Торчит порожняком
В тупик задвинутый вчера
Так-так
И гладкость речи – крышка пирога
Сверкающего пеной моря
Повторим то, что сказано вчера:
Мы умерли от радости и горя!

Второй

Мы умерли. Да. Это верно
Двумя засранцами на свете стало меньше
И больше места для рожденных. Что же
Тебя волнует?

Первый

Так. Так-так

Но гласные, как прежде, звонки и легки
И круглозадые пизденыши на турнике
Закручивают солнце
Скрипят и трутся позвонки
О тело времени
Ноги ж моей колода
Не забывает суффиксов стремительную прыть

А корни слов все пьют и пьют из чашки
Моей души. Скажу: Ебена мать!
Разъебанная вдребезги природа...

Второй

...трупа. Молчи, дружок! Молчать
Приказывает смерти нам привычка

Первый

Хорош совет. Готов его принять
Заткнуть ебало навсегда, навеки
И с воплем выдрать падлу языка
Чтоб внутренняя блядь взбесилась
Нету ей наказанья хуже
И мне приятней мести –
Загнать ее в клоаку трюма
Утробы дохлой

Второй

Угрюма

Мне речь твоя и все ж сладка
Хоть б променял ее на паузу
Лет в двести или триста
Для ездока потустороннего
Вошло в привычку
Считать столетие секундой

Первый

Считай, что счел!
Не тешься ерундой
Одной заботой озабочен

Ты все единому отдать готов
Забыв, что козлоногие растенья
Дыханием твоим зловонным
Пóлнят мир
Пыльцу разносят праха твоего
Секунды превращая в вечность
Тычинки, пестики соединив в экстазе
Живущим не оставив случая
Все это прекратить

Второй

Завязывай меня смешить
Ты потерял лишь обод колеса
Но то, что в середине –
То – речь земли
Которой съеден ты
Что съела
Тебя еще во чреве матери

Первый

Так-так, так-так. Утри
Забей мне пасть землей
Я наглotalся
Ее еще при жизни, там и тут
Она во мне орала, как гиена
Орет над падалью
В предчувствии пирушки

Второй

Игрушки детские при жизни
Тебя тиранили. Ты наглotalся

Подлых слов. Ты жрал
Глаголы, как шакал
Ты брал за правило
Менять в угоду мысли
Форму слагаемых
Играл с водой, огнем и числа
Облизывал, как леденцы
Не замечая, что уже владела
Тобой могилы плесень. Ты...

Первый

Так, стой, погоди! Дай пораскинуть
Землей моей души
Последней сукой буду, коль не этого
Ты хочешь от меня

Второй

Хочу подвинуть

Внезапный череп твой на запад и восток
На юг и север, чтобы страны света
Сквозь впадины глазниц в тебе сомкнулись
Пора усвоить –
Пространство
Лишилось слуха, зрения и воли
Проснулись
Иные страсти в нем
Желания и доли света

Первый

Какое чванство –
В крошечной тьме торчать

От преисподней
В пыли тысячелетий
И кичиться
Лишь крохами пейзажа светового
Что, как в ленте
Кино немого
Проносились мимо
Твоей наглядной жизни

Второй

Лишнее болтаешь ты!
Владея знанием того и этого
Ты досконально
Проникнуться бы должен совершенством
Великого-ничтожного
Ничтожного-великого
Вели ничто
Ничто вели
Что вé, ли то, ни то, ни это, этого того
тому и так, и этак, туда-туда, покуда
Вéрно то, что вéрно, потому
Что потому и вéрно, что покуда
Верно́, верно́, верно́ поэтому и то
И то, и это этому покуда...
Я сказал!

Первый

Да!

Лишнего не скажешь ты
И лишнему то лишнее излишне
И к лучшему, что лучшее ушло

Из лучшей части ушлого сужденья
Я ушлой грамоте обучен, как и ты
Как я обучен, ты учен тем туче
Научен, выгучен на случай, окачурен
В натуре вешаешь на вёшело весло
И слова лишне не не скажешь

Второй

Слово

Вошло в тебя еще при жизни. Речь
Вошла с дыханием в тебя. Теперь же
Ей течь приходится подземным ручейком
Что вовсе не одно и то же
Быть разносимой ветром иль эфиром...

Первый

Я жил над миром!
Я пошлого дыхания не знал
Я воздух жрал, глотал
Хватал его руками
Я мял его
Я мял его ногами
Как глину, мял, как воск, как мед
Он тек по жилам моего устройства
Стоял столбом во мне
Такого свойства
Был весь состав его
Что тело пело речью
Не ведая ни выдоха, ни вздоха

Второй

Да, неплохо
Загнул, товарищ мой

Ты про осла поэта
Но это
Всего лишь тощая метафора
Картечью бы научить сражаться ваше племя
Или дубиной. В наше время
Что может быть стремительней
Ракетного удара
А тут лежи и жди конца начала
От слога к слогу маятником маясь

Первый

А помнишь, сучий потрох, улыбаясь
Ты втискивал в себя небес картину
Овцой быв пастуха, наполовину
Волком
Что толку шкуру агнца поносить
Когда б ты мог ее заслуженно носить

Второй

Я мог бы нарядиться крокодиллом
Что хвост змеи глотает наудачу
Я мог бы Нилом быть или Зоилом
Но чем теперь платить, когда я плачу?
Где мелочи добыть для расстановки
Стихийных сил по всем углам вселенной?
Мы здесь с тобой на вечной остановке
Остановились парой неразменной
Чугунною планетой на орбите
Мы движемся, преследуя светила
В предчувствии несбывшихся соитий
Несемся в никуда из ниоткуда

Первый

Во, как заговорил, заголосила
В тебе вода, забилась пламень, руды*
Расплавилась в магнитном поле, груды
Последней требухи пищеваренья
Сварились в огуречное варенье
И числа, что ты ставил мне в упрек
Не сделали вместительный урок
Твоим расчетам. Станут
Ли травы плакать или перестанут
По раннесветной памяти твоей
Как, впрочем, и моей?
Придется нам подумать о другом –
Как нам сказать и думать о «благом»

Второй

Давай поговорим о Бологóm.

Первый

Замётано!

*январь. 1997
New York*

* Эту строку я хочу прокомментировать песенкой «Сонь».

СОНЬ

Тень плыла сливаясь с небом
Камень вышла на дорогу
Кто на этом свете не был –
Тот забудет понемногу

Как огонь любил сжигая
В ней съедобные лекарства
Для того придет нагая
Полудева-полуцарство

Конь послушна вдохновенью
Ездока в повозке прячет
Лось ее гуляя пенью
Весь сжевала всю до клячи

Только пень и обнимала
Течь а берега осока
Удаляясь понимала
Сонь науки и урока

17.01.97
New York

ГОРОД

Лизе Лозинской

Простой и ясный выстрел в небо
Пустырь, над ним колодец плотный воздуха
Плывет огромный дирижабль
В колосьях тронутого поляса

Мир рассыпается на части
Свирепым блеском до фундамента
И близорукий полицейский
В него гидрантом медным тянется

От слова к действию, что мыслью
Основано на башне солода
Шахтер с лопатой золотою
Спускается по руслу города

Он так внимателен и цепок
И так его рассудок пенится
Что разгулявшийся прохожий
Мораль припомнить не поленится

Ночь, горизонт встает над морем
И устремляется проливами
В свой материк, к своим потокам
Что полнятся его служивыми

А те по дюнам-великанам
Кирпич на камень, как положено

Из дома в дом бегут с тимпаном
Ручьям открыв природы госпиталь

О врач, последним доходягой
Склоняя плотное и полое
Я брошу посох свой и лягу
Под исцеляющим навечно пологом

23.03.97

N.Y.C.

ПАВЛИК МОРОЗОВ
(историческое сочинение)

Откуда Павлику Морозову
Пришла на ум такая дерзость
Чтоб на отца родного двинуться
Как супостатого отечества?
Я так скажу: им правил бог
Всея крестьянския деревни
Который ел и пил в хлеву
И не следил за электричеством
Державы схему исказил
Компьютер наградил инфекцией
Как прокаженного проказой
И память механизма выело
Почти что до спинного мозга
А «бог не фраер» – это знают
Ребята севера и юга
И если до вселенской смазки
Дошло родное молоко
Так что ж не стать на голос выше
Ведомого на бой теленка
Не вырасти из почвы голосом
Такой пронзительной окраски
Чтоб хор народных сил, как дышло
Свернул бы в сторону иную
И слово старое Россия
Пропелось как СССР?

12.12.97
Jersey City, NJ

LEU DE PAUME
ИГРА – СЛУЧАЙ
(изобретение фигур)

остановились – стоим
каждой фигуре
соответствует паузы форма
(мысль угасает в движении
сливаясь со временем)
пауза – формула духа
формы искомое правило –
преодоление Игры

Фиг.1. Исходная позиция

глаз подчиняется
блеску утробы
яд слагаемых знаков –
радужная взрывчатка
для новорожденных

Фиг.2. Лисий капкан

семь-восемь
бегло выносят на город поляну
голова-ноги
кода бежит впереди пернатых
оглядываемся
поплывем по воде скоро

Фиг.3. Дом скорпиона

деталь линии
угол геноугля
тронулся с места в карьер
теперь – теперь
напластование сумерек
льется потоком
из мясорубки

Фиг.4. Китайский колодец

олово слова –
последняя новость
ступень-ступень
в доме матери
бронзовых пара кормильцев
гнездится

Фиг.5. Голубятня

излагаемое куда –
восходящее поле наречий
для ископаемых пеня
поезд рисунка
не остановить
голосистым развалинам

Фиг.6. Бочка с порохом

обогащением имени
заняты молотобойцы

рукам – знание
уму – пуповина

Фиг. 7. Гнездо кукушки

знаем только одно
или два –
подходящее место и вымысел
или избавимся вовсе
или останемся здесь

май–август 95
Москва – Париж

СЛОН НА вокруг пропавшей поэмы

Идет слон, раскачиваясь на
тонких ногах, на
маятнике человеческого писка.

И вот, то
что совершается на
страницах растительного бытия,
протягивает в сжатой руке на
раскрытой ладони,
узнаваемой по сжатым пальцам,

протягивает: НА
это ТВОЁ-ТВОЁ.
Пальцы сжаты – ладонь открыта.

мера бытия – «ладонь»
мера растительного бытия – «пригоршня».

На горнее смотрим
через сомкнутые ладони
через открытые-сомкнутые ладони
через две меры бытия образующие взгляд.

Взгляд – подобие третьей меры,
меры берущей
(возвращенное «НА») –
это МОЁ-МОЁ.

Возвращенное «моё-моё»
трубным звуком слона
человеческого писка
утверждает:
МОЁ-МОЁ – ТВОЁ

И сам слон,
как поэма любви возвращения,
с поднятой трубой
шестьует через утреннюю пустыню.

Мы следуем мысленно
за архангелом пустынного.
Мы проникаем в смысл
растения этого образа,
смотрим на
слона На,

Вот На,
слон,
слон призрачной башни сознания,
ажурной конструкции вымысла,
выстроенной в безводной пустыне:

Хочешь пить – пей!
Хочешь петь – пей!
Хочешь поть – пой!
Хочешь На – на!

Я, следуя нам,
обнимает слона,
и слон На
впитывает
МЕНЯ – МОЁ

Слон, набитый вещами,
наполненный воздухом,
слон, истекающий кровью,
слон – кедр ливанский, –
корень съедобный растения
сладкого время любить,
обольщаться...

Слон обладающий пылью
утробы времени своего:
иней кровеносных сосудов
гулко в сердце колотится
отсутствующего мозга,
словно крот, проникающий
в кокаиновый срез мезозоя,
чтобы наполнить поэму
страстью пальцев слепых.

Слон подсознания
бушующий в схеме пустыни,
слон схимы плотоядного
говорящий:
«Никогда не поздно сделать то,
чего можно вообще не делать».

Слон – змеи-тропика,
протянувшейся вокруг,
слон трупа-иглы, прошедшей
кипящее тело полушария...

Я с ужасом внемлю
древнему имени На,
слона, поглотившего душу песка.

Тёмная туша души
паутиной обильною ног
сопричастна поверхности листьев
шара плодоносящего.

Опять ТВОЁ-ТВОЁ
возвращается
в потерянную поэму,
вдыхает запах
ускользающего животного,
превращает поэму
в басню важных
подробностей
о несущественном.

Вот эта мелькающая
басня,
всплывшая со дна
погибшей поэмы:

ВОТ

басня
сверкающего
слова

Вспорхнул на ветку клёна Вот
И Что увидел под листом,
Где Муравей, сыскав забот,
сидел, задумавшись, на Том.

А Весь – премудрый анатом
мешал растений соки в смесь...

Жила Природа под кустом,
чтоб ноги вовремя унестъ.

КОНЕЦ

Конец – умная мысль сознания.

Конец. Что кончено? – тревожный вопрос сердца.

Конец. Окончено воспоминание.
(о басне ли?)

Конец. Теперь вопрос: Стучат
ли буквы имени по темечку внучат
Крылова дедушки, и так ли горяча
волна воспоминания? Урча,
слон Хлебникова движется по следу
слона Крылова – хобот – тень хвоста,
дыханье заперто, опричники моста
по очереди чтут теперь Ригведу.

Конец. В конце налейте Ганимеду!
Пусть тоже пьет конца отраву боль,
и льет в индо-аттическую соль
слезу невинности.

Как мысль не дика –
В конце поэмы новая строка.

Я с ужасом думаю
о замкнутости пространства,
о замкнутости формы
самого древнего воспоминания.

Я оглядываюсь на
звук опрокинутого времени поэмы
и вижу, как стадо слонов
медленно,
на тонких ногах человеческого писка
проносит лакомое блюдо Рифмы
над океаном пустыни.

И в голове колотятся
самой тонкой басовой струной,
как «What is it?»
Для Ричарда Дэвиса,
бедные вопросы к стаду:

что музыка
что музыка слона
что музыка слона внезапности
что музыка слона околонежности
что музыка слона поэзии
что музыка слона поверженного
что музыка слона стола и мебели
что музыка слона ограды и
что музыка слона
что музыка

что партитура поля говорящего

овёс роса
овёс овёс роса
овёсельковость музыки понятна
росейность музыки могилы
могилы протяженность

еще бы партитуры

что музыка
что музыка ля-ля
что музыка буль-буль
что бу-бу-бу вращения земного

Вот так-то, музыка,
теперь я вижу,
как Мы,
слоновьей тропой
 продолжения человеческого рода
следует,
падает
прячется
в омут пустыни.

О вопль тела музыки! –
(не первая насмешка ли искусства).

Мы следуем мысленно
за архангелом пустынного.

«Вот-вот и я моё умрёт» –
писал поэт.

Вот-вот,

уж «мы» моё летит вперед –
из черепа в груди тоска
(при «альфе» и «омега» – «йот»
барсучим трупом от виска
легка слону).

Пустынь доска
подобна маятнику плача.

Когда тропой слоновой, плача,
Моё-Моё плетется долго,
я плачу сам, дорогой Волги
стекая в озеро морей
от белых берега ночей,
я плачу северного волка
на умный хобот горячей.

Ах, умный труп мелкого животного
в гостеприимном доме слона.

О веселый оборотень страха
в коленной чашечке
гигантского сверчка.
О плотный кузнечик
прыжка в пустоту.

Ах, О!

С ленивым содроганием
я впитываю в себя этот путь,
проглатываю ленту дороги путешествия
по закоулкам воспоминания пальцев.

Пальцы сжаты – ладонь открыта.

Твое-Твое нежной мерой

растительного бытия

открывает горсть,

открывает и закрывает взгляд,

и там,

в промежутках,

в паузах ослепительного произрастания

слон На,

преображаясь,

заполняет картину пустынного.

Там смыкается боль и опыт,

надежда и ирония.

вера и умысел.

Видимое и невидимое.

Так стекается

в открытом-закрытом взгляде

пустое и наполненное.

Так возникает

искусство соединенного.

Так душа камня

эхом насыщенного

соединяет мертвое и живое.

Пустынное и насыщенное,

соединяясь, вызывают отблеск,

отклик,

восстанавливают рисунок
пропавшей поэмы.

Изображение погибшей поэмы
присутствует
при рождении На.
При «МЫ» творчества.

Здесь совершается город слона,
Венеция последней лагуны страсти.

Здесь истукан светоносного
обретает видимую плоть.

Здесь черная вода
и светлый камень
над адриатикой проснувшегося чувства.

Здесь на язык медяная роса
льет тропики любви.

И здесь я вижу
возникновение музыки из пыли
недремлющего.

Изображенья слов
над пропастью оркестра
встают вот так:

ИГРАЮТ БАХА

Пой, пой прохладу
зелени бегущей тамариска
В венок льда легкого
из листьев горизонта
Как будто вспать
и невесомо утро
Колеблемо
проснувшимся волнением
Бежит искать
исторгнутого звука
Искать-найти
невидимого лба руки
Молчание

Как утра жаворонок
ковш кипящий неба
Бегущее пространство
вспать легко
Лёд говорящий лба
поющего над утром
Земли овечьей
торжественной минутой
Пой, пой волны
прохладу горизонта
Колеблемого полднем
знойным тамариска
Бегущей трели зелени
руки невидимой
Как будто
невесомое волнение

Найти бегут
 проснувшиеся звуки
Бегут искать
 исторгнутого облака
Молчание

О слон!

о На бегущего мгновенья!
(пусто) –
протягивает На,
о, на ладони лестницы подвижной
цветок оживший –

говорит стопа:

«я долго покоилась на
фундаменте тела.
 Весна
сознательно каменной кроной
умело давила, летела
и пела имперской короной
(республики белой вороной)
над оловом сна.

О сон металла пробужденный!

О слон!

Paris
dec. 77

ИГРА В ШАХМАТЫ
как изобразил ее итальянский
мастер миниатюры в рукописи XIV века

(импровизация)

В сорок два квадратных поля
Девять пущено фигурок
И еще одна на ручке
У наряженной девицы.
Пальцем что-то указуя,
Ей партнер ее кивает
Не держать его за хвата
Не считать его дубиной,
Что не сразу пешку пешкой
Может снять, а королеву
Обойти хотя бы с тылу.
У него своя метода –

Умный ход и дело в шляпе
И сапожки на ногах.

Что ему жена-гроссмейстер –
Унести недолго ноги
Кандидату богословья.
Бакалавру песнопенья
Лютня лучшая подруга
Струны – сестры, гриф – приятель,
А в кармане если мелочь
И не водится – не важно!
В придорожную харчевню
Завернет он. Кто откажет
Поднести певцу бутылку,
Угостить его обедом.

– Стой, поставь коня на место,
Франсуа беспутный! В шашки,
В поддавки играть с юнцами
Подходящее занятие
Для оболтуса пустого,
Лоботряса и невежи.
Кто учил тебя приемам
Восхитительных баталий,
Потрясающим маневрам
В центре поля и по флангам?

Отвечай, кому обязан
Ты искусному уменью
Короля чужого ловко
В западню увлечь, а пешку,
Проведя сквозь все препоны,

Облачить в наряд бесценный
С королевской диадемой?
И не я ль тебе ночами,
Когда птицы на покое
Не поют и не щебечут,
Толковала о дебютах,
О коварных продолженьях
Об атаках и защите?

А теперь... Какая низость!
Ты обманом и коварством
Завладел моей фигурой.
Знаю я, что ты с Луизой
Сговорился этой ночью
За доской из перламутра
До утра забыться счастьем.
Нет, соперница не знает
Тех уловок, что мне с детства
Внушены были Брунгильдой,
Опытом ее и счастьем.
Лишь одна она умела
Всех прохожих и проезжих
Рыцарей и трубадуров
Так увлечь игрой, что даже
До второй и третьей стражи
С ней засиживался всякий,
Одержимый дивной страстью
Игрока. Ее искусством
Овладела я вполне.

А Луиза, эта дура,
Ей ладью даю я в фору,

Да она слона от пешки
Отличить едва лишь может.
Да ее гамбит, как вызов
Скифа пьяного Артуру,
Королю великих бриттов.
Ей бы в цирке на арене
Выступать под грохот бубна
Иль ходить за псами. Нету
Для нее занятия лучше.
Ты же, ангел мой, ты создан
Для утех иного рода,
Для возвышенного чувства
И для радости высокой.
Потому оставь привычки
Шарлатана и бродяги
Школяра и вертопраха,
Болтуна из балагана.
Положи, поставь фигуру
И начнем игру с начала.
Покажу тебе сегодня
Я испанское начало
С удивительным развитием.
Нету партии прекрасней,
Нет игры великолепней.
Под моим же руководством
Овладеешь в совершенстве
Ты наукой куртуазной...
Так Тереза говорила.
Франсуа ответил: Ладно.

23 дек. 83

Paris

ИЗ СТИХОВ 60-х

РАЗГОВОР О ДУШЕ

(Одноактная пьеса)

Действующие лица:

Яйцо

Скорлупа (яичная)

картина первая.
камень. на камне яйцо. быстро темнеет.
вдалеке слышны раскаты грома.

Яйцо: Хоть меня ты от влаги охраняешь,
Но все-таки тобой я недоволюно.
Ты можешь треснуть и тогда,
Конечно, все пропало.

Скорлупа: Твои претензии принять я не могу.
Желток твой и белок я охраняю
Не только что от влаги, но и от пыли тоже
И от нахальных муравьев.
А знаешь ты само, что то нелегкая работа.

Яйцо: Претензий я не предъявляю. Я просто
говорю,
Что мы одно: желток, белок и ты,
Скорлупочка моя.
В виду же приближающейся тучи
Хочу спросить тебя:
Мы чье яйцо есть и почему на камне мы
лежим

Скорлупа: Столь одиноко?
Яйцо ничье мы. Просто так – яйцо.
И все тут. Ты хамские вопросы задаешь
В невежестве своем. Мы просто здесь
лежим,

- Чтоб не было повадно другим
 Лежать, как мы лежим.
- Яйцо: Я чувствую белком своим
 Рождение жизни новой в желтке своем.
 Возможно, то нетленная душа
 Живет во мне, как я в тебе?
 Что значит это все? Скажи мне.
- Скорлупа: Яйцо, ты несколько сродни мне,
 И только потому не тресну я от смеха.
 Но, право, мне смешно, я не могу
 сдержаться.
 Меня ты извини.
- безумно хохочет. раскаты смеха
 совпадают с раскатами грома.
 первые капли дождя падают
 на скорлупу.
- картина вторая.
 утро. туман. камень. на камне яйцо.
 в скорлупе зияет трещина.
- Яйцо: Вот видишь, все ж таки ты треснула
 не вдруг.
 Мне стало холодно и мокро здесь лежать.
 Твой смех не к месту был. Мне жаль
 твоих подруг.
 Приятелей твоих мне жаль. Я лягу
 на кровать.
- Скорлупа: Секрет открою я тебе, яйцо:
 То гром разбил меня на эти половины.
 И близок, близок нашей час кончины.

Яйцо: О смерти говоря, ты мелешь чепуху,
 Меня напрасно этим раздражая.
 Душа моя нетленна и чиста.
 На волю просится она.

теперь конец.

1963

ОБМАНЩИК

*«И незнатное мира
и униженное
и ничего не значущее
выбрал БОГ,
чтоб уразднить
значущее».*

Коринф., 1, 28

1.

Терпение –
(длинные облака) вокруг нас
настоящие дыни
и виселицы (хмурые лица).
Сонные (бегут по всему пространству)
лошади и слоны
в дома свои умные.
Он (навпротив меня)
сидел в своей шкуре
и видно было
отверстие
в нем.

2.

Кукушка (звери ее несъедобны)
старшего брата –
лучшая мера
нашим делам и ошибкам.

И чтоб раскрашивать яблоки
необходимо (еще по одному яблоку?)
знать (иметь в виду)
расстояние
между правилами лечебницы
и уличной давкой.

3.

Никогда не пойте
таких песен
– Это ты?
– Я (когда не успеваю
забыться).
– И все же?

4.

– Эта прическа называется
«Приговоренный к смерти бежал».
– Когда?
– Поздно ночью.
– Где?

5.

Можешь забыть
(если ошейник потерял)
свое место
и апельсиновый сад.

Человека
(его штукатурку и числа)
не следует знать
ни одной собаке
в окрестности.

6.

Охотник!
Не сомневайся в своей оплошности!
Промах
(когда огородники лишние)
есть твое лучшее дело –
(бабенки висят и)
забота о ближнем болване.

7.

Эти дурные люди
знают много полезных вещей:
– Кто научил их всему?
– Я!
– А ты это кто?
– Я называюсь –
Давай-Ноги-Отсюда.

8.

Плывите!
(этот хлеб вам украсит жилища).
Черные голуби и верблюды,
оркестранты посева,

будут смеяться вам вслед,
будут икать
над посудиной с кашей.

9.

Зимой, когда медвежатина
носится выше чем ртуть
и концерты
всегда приближаются к ночи,
осколки стекла
становятся мягче,
и легче
узнать настоящую
цену
на живность.

10.

Полотеры (невольничий рынок)
соразмерно своим интересам
разрушают конструкцию здания.
в том ли вина их
что нищими
ставились стены
и крыша?

11.

Операция ноль (самоуверенность)
венчает поход недоносков
за зеленью крысы.

А деточки этих ублюдков
зачахли
не дав их владельцам
надежды
на ранние всходы.

12.

Эй! Где же ты,
сивая карла доноса?
Где твои мышки
с полосками вдоль позвоночника?
Этих я вижу в трамваях
везущих параграф
(первый весенний цветок)
в подарок
знакомой старушке.

13.

Эти уж мне акробаты! –
Падая с крыш
они уверяют нас в том что
еще не успели проститься
с прежней женой,
а герань их
(в медных горшочках)
цветет

14.

Лисы
и желтые лисы (в коробках)

девочкам ищут отверстия,
скважины –
окна на тесной планете.
Разведчики недр
они к полюсам тяготеют
как к лакомству.

15.

Сон и глубокая старость
святость
и синие ноги –
вот результат послушания.
Армия
жирных десантников
ищет в болотах такую колонию знаков.

16.

Еще торопитесь
встречать меня.
Честно признаюсь,
что все это время
водил я вас за нос
и только.
Теперь же (когда я приехал)
когда я приехал
теперь...

*1965
СПб*

МЕЛАНХОЛИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

Я созерцал луну, послушную мечтам,
Нащупывая олово в кармане.
Плелась душа моя капризная в тумане,
След в след по исчезающим следам.

Цветок луны признался небесам
В своем почти бесхитростном обмане:
«Мир узнает меня в серебряном тюльпане,
Но, видит Бог, живу я по часам.

Когда луна, похитив леденец
У своего ближайшего соседа
И обхватив седло велосипеда,
На небо выплывает наконец.

Я так скажу. – Веселый бубенец
Тревожит мира темную колоду,
И, может быть, упрямому народу
Диктует сны зевающий чернец.

И кто мудрец, забрав с собой черпак,
В такой момент отправится по воду,
В моих чертах приветствуя свободу,
Снимает с темя выцветший колпак,

Не заблуждается лишь только потому,
Мне вознося молитву постоянства,

Что даже здесь коварное пространство
Приписывает виду моему

Несвойственную звездам красоту.
Привет, привет! – я говорю богине,
Укрывшую меня в своей корзине,
И опускаюсь снова в пустоту».

Душа моя, подслушав разговор
Мне непонятный, вспрыгнула на ветку,
Себе избрав, по-видимому, клетку,
Оставив мне темнеющий простор.

1964

ВЕЧЕРНИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРИ РАЗГЛЯДЫВАНИИ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ЧАЙНИКА

Странник, знаешь ли любовь?

А.Грибоедов

В каком предмете пустотелом
Таят невежливые вздохи
Счастливы, знающие ухом
Всю прелесть слабостей порочных
В каналах мысли водосточных?
Проверить этой тайны прочность,
Посыпать эту тайну дустом,
Раскрыть влечение парашютом
С очаровательною грустью
Нам редко в голову приходит...
А, между тем, на пароходе,
Когда мы покидаем сушу,
Сомненье прячется нам в душу,
И червь, как сердцевину груши,
Себе в обязанность положит
Грызть наших доков перепонки...
Ах, наши десны слишком тонки,
Чтоб запросто вместить обычай
Любезный волосатым предкам –
Красть со столов господ объедки
И наливать кровью бычей.
Нам наливать соком вешним
В пределах полинялой клетки!?
Нет! – Прочь из клетки!

Знаешь, странник,
О пользе выигранной битвы
Мы узнаем под взмахом бритвы,
В бойцах не узнаем солдат,
В ручье же видим водопад,
Хоть он поверхностно недвижим
И силой буйною обижен.
Нам падать на штыки позора
Приятнее, чем спать во ржи,
Хоть она часть того узора,
В котором облако кружит.
Ах, странник, странник!
Что за притча? –
Твоя посудина из жести
Глухие подает надежды,
Тревожные приносит вести.

1964

БОЛЕЗНЬ

Когда пора свистать в кулак,
А пальцы – воск окаменелый,
То посрамится Эскулап,
Мое исследующий тело.

Болезнь известна. И во сне
И наяву – колосья в ступе
На дно ложатся, как в постель,
Чтоб в сердце филина мяукать.

Чтоб тварей всех огромный дом
Во мне пронзительно чудачил,
И сам себя казня судом,
Скакал и падал наудачу.

Чтоб самый мелкий мой сустав
Скрипел, как жернов мукомола,
И превращался в пыль, устав,
По окончании помола.

28 декабря 1967

Л.Ентину

Воструби, Леонид, в златокованный свой граммофон,
Бьет челом тебе раб твой, твой друг и тебе поклоняется он.
В небеса куполов твоих, в воды священного града
Он с восторгом глядит, как смотрели враги Ленинграда,
Возжелав пировать, лапять девок на Невском проспекте,
В русский дух наступив на баварском своем диалекте.
Но напрасно гремит он в кимвалы, старается тщетно,
Нет, не рухнет стена и пожаров у вас незаметно,
И надменно глядит из подзорной трубы Ерехон
Как в окопах тоски своей пляшет Наввин-Охломон.

Сумарокову-батюшке в ножки я кланяюсь ныне,
Чтоб меня он простил в моей ветхозаветной гордыне,
Манной слов его, супом из щей Антиоха
Я питаю свой стих в стольном городе князя Молоха.
Словесами бряцаю в столичного града калитку,
Бьюсь в кремлевские стены, себя подвергая убытку.
Рассуди без затей – долбит камень кирпич, но и камень
Словно пороха гусь сам собой обращается в пламень,
И приблудной овце сколько хвост не крути –
не добудешь ни искры,

Как не сделаешь пива из масла порожней канистры.
В рассужденьи таком чаю выбрить на ляжке тонзуру
Или вороном каркать в пустыню к халдейскому Уру,
Быть крупицей песка на сожженной земле иудейской
Иль пером попугая в окне шевелюры индейской.

Так настрой. Леонид, золотые кифары лады –
Пусть вакханки растащат нетленного тела уды,
Пусть в стаканах для звезд пляшут девы певцу Элоима
И бегут в небеса по дороге священного дыма.
Тонким блеском слюды на игле раскаленного шара
Задрожат голоса как алмазы в объятьях омара,
И мелькание рук вереницей сплетенною ног
Возопит далеко в тишину нарушающий слог.

И там, подняв на плечи человека падаль,
На суд его неси садовника себя.
Плодами пышными в одеждах горностая
Украсят этот акт в прекраснейшей из пьес
Те, кто услышат вопль. Вселенского арбуза.
Как говорит Анри, темнеющее чрево
Строением имеет совершенный стих,
Но садовод, что мочится в канаву,
Вместо того, чтоб грядки поливать от щедрости своей,
Достоин жалости. Как это справедливо –
Ведь там, где песик лает на светило,
Что мирно заспиртовано в консервной банке,
Ночному гостю счастье и удача.
Он прячется в хозяйские штаны,
Чтоб критику доставить удовольствие
Растолковать внезапное явление
На сцене клоуна среди застывших кукол.
И будет прав он. Бархатные трубы
В его груди – колокола свободы
На древнем вече воровства и казней.
Не пьян он, но в притворстве пьяном
Есть звон венецианского стекла
И гул огня, сжигающего душу
Еретика, что к горнему проник.

И посмотри – в небрежный черновик
Прокрались муз изящные фигуры,
Чтоб поплясать на дне клавиатуры
Органа моего. Вот их проворство –
Как ни крути, но в скважины притворства
Проникнуть им не сделает труда,
Их золотом насыщена руда
И солью их еще горька вода.

Я ж в сочинительстве увидел дикий сон:
Средь моря красного восходит фараон,
На мнимый камень ратью наступив,
И тщетен музыки пророческий мотив
В перстах, разъявших твердь воды земной,
И чуден крик в пустыне надо мной.
На тонких нитях в бездне океана
Гармонию несут Левиафана
Два черных призрака. Стремительный полет
Готов рассыпаться у края этих вод,
Лишь хрусталем сверкающим вокруг
Их замкнут бег в полупрозрачный круг.
И нет конца полету, карусель
Свернула мир в пронзительную трель,
В вой неба ночи очертив зенит,
Расплавив день в пылающий гранит,
И сон смешав мой грохотом аккорда
Из глотки льва его ж смотрела морда.

Вот, добрый друг мой, лакомый кусок
Любителю забраться в наш пирог.
В смертельном сне какие сны нам будут сниться,

В грудь принца датского какая клонет птица,
Чтоб сладкий мак безумия вкусить?
Смотри в комедию! В ней трезвенник испить
Желает яду – голова хохочет,
Павлина хвостик распускает кочет
В седле индустриальной голубятни.
И грустно то, что было бы приятней
не слышать вовсе треска этих крыл.
Блажен червяк, что в дереве прорыл
Змеиный ход любовью к полумраку
И ослепил единственному зраку
Дальнейший свет. Пойми – тем жизнь тлеет,
Что бездны мрак в душе твоей имеет.

Уподобь, Леонид, отделенный от ночи восход
Колесу, что вращаясь несет на себе небосвод.
Возвращая в Аид каждый раз ослепительный свет,
Воскресает для жизни другой Персефоны поэт.
Сквозь завесу времен прибежит это таинство вспять,
Коли гнева фиал свой обрушишь на внешнюю блядь.
Должен в целости быть тот чертог, куда алчешь уйти,
В негасимую полночь свой внутренний дом освети.
Там где глохнет труба, пляшет пьяного звука делец,
Но в разрушенный храм никогда не вернется жилец.
Посему береги обиталище другу-Эолу –
Скоро кланяться буду попутного ветра престолу...

Прощай, мой друг, не предавайся сплину,
Будь весел, здрав, любим и сам люби Ирину.

1969

ВОСПОМИНАНИЕ
О ПЛОДЕ ГРАНАТА

Как был начертан тонко плод
Мы видели вдвоем
В нем целый день копился мед
Перед ночным дождем

В нем целый век варился сок
Чтоб отойти ко сну
Он был начертан как цветок
В персидскую весну

И средь невидимых светил
Струящихся огнем
К нему наш взор прикован был
Чтоб стать его вином

ноябрь 1974

ЗИМНИЙ СОНЕТ

Прощай, тепло! От ужаса снегов
Ищу небес прозрачных тонкий свиток.
Ночь сгинула на запад. Полдень пыток
Стучит в окно из прошлого веков.

Тащусь без имени. Дорогой дураков
Несу любви трудов тяжелый слиток.
Прощай, тепло! Твой огненный напиток
Перебродил, и хмель твой далеко.

Костер погас. Уносит ветер пепел.
Пронзительного дня гиперборей
Свистит и, сорванная с петель,

Разбита дверь, и кружится над ней
Воспоминаний боль. Среди полей
Диск солнца золотой встает
смертельно светел.

январь 1975

РОМАНС

Рояль был весь открыт и струны в нем дрожали,
Был воздух сер, прозрачен и высок,
Этюд окончен, память окружали
Струющиеся звуки на песок.

Романс окончен, воздух плавал важно
Над струнами, стремясь покинуть зал,
Томительная тишина текла протяжно
В сосуд, изображающий бокал.

В руках цветов он серебрился строго
Окончен вечер, ночь лилась на сад
Но музыка, столпившись у порога,
Просторно плакала на азиатский лад.

И мы в чудесной панике бежали,
Преследуя исчезающую тишь.
Рояль был весь открыт и струны в нем дрожали,
На ледяном ветру, смеясь, шумел камыш.

2 мая 66

МУЗЫКА

Мы сядем на эту скамью-челнок,
Откуда неба виден обширный кусок.
Потом решим – зачем неуместно
Лететь как филин по земле? –
Из нее вынимает червя трясогузка,
Который до этого находился в тепле.

Итак, мы устали на травы квадрат,
Догадываясь, о чем жуки говорят.
Пусть не покажется странным этой площадки ПУСТО –
Ее следует разглядывать не совсем –
Так бобер основательно держит в руках лангусту,
Не замечая ее убегающих тем.

А там нам придется узнать, что и у рыбы мало рук,
Копыта лося его рога обегают вокруг.
И пусть лесничий приносит событий олово –
Его значителен и важен труд,
Но бабочки пустое логово
И без того не знает пут.

Дальше еще – фруктов горит сбор,
«Не тот, не тут» – на языке тунгусов бормочет топор.
Трудно не усидеть, слушая речь китайца,
Когда из-под щек торговца валит горячий пар,
И он, как фокусник, держит на кончике пальца
Свой допотопный товар.

декабрь 1964

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ И ПЕСНИ

Степные песни

1. Гнездо над радугой	7
2. Я не сплю	8
3. Золотая форель	8
4. Первая песня старца (эолийская)	9
5. Вторая песня старца (фригийская)	10
6. Третья песня старца (дорийская)	12
7. Одиссей – Телемаху	13
Прощальный марш	15
Три поэта	
Катулл	16
Державин	17
Пушкин	18
Разговор двух	21
Город	30
Павлик Морозов	32
Jeu de raume	33
Слон НА	36
Игра в шахматы	49

ИЗ СТИХОВ 60-х

Разговор о душе	55
Обманщик	58
Меланхолическая баллада	64
Вечерние размышления при разглядывании электрического чайника	66
Болезнь	68
Л.Ентину («Воструби, Леонид, в златокованный свой граммофон...»)	69
Воспоминание о плоде граната	73
Зимний сонет	74
Романс	75
Музыка	76

Алексей Хвостенко
КОЛЕСО ВРЕМЕНИ
Стихи и песни

ЛР №06815 от 30.X.1996

Подписано в печать 15.02.1999. Формат 70×108/32.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Усл.-п.л. 2,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 62

Издательство «Феникс»: 193060, С.-Петербург,
ул. Смольного, 1/3, подъезд 6а
Тел. 276-13-35, 276-14-77

e-mail: orders@phenix.spb.su

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербурга, 9 линия, 12

МАСТЕРСКАЯ

